

12+

Александр Белоголов

**Детские и школьные годы
Воспоминания и
размышления**

Автобиографическая
повесть

Александр Борисович Белоголов

Детские и школьные годы.

Воспоминания и размышления

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34463194
SelfPub; 2018*

Аннотация

Автор в свободном стиле повествует о жизни и быте небольшого сибирского города в пятидесятые-шестидесятые годы XX века. Не придерживаясь хронологии событий, он через отдельные эпизоды раскрывает суть произошедших в нашей стране событий и приводит свои мысли и заключения об этих событиях с точки зрения пожилого человека и жителя современной России. Повесть может быть интересна для читателей любого возраста.

Я проснулся и открыл глаза. Ставни на окнах были закрыты, но через длинную вертикальную щель в одной ставне в комнату врывается веселый солнечный луч, в котором плясали тысячи пылинок (для дома с печкой и почти что сельским укладом жизни это обычное дело). Я подал голос, но к моему удивлению, никто не отозвался и ко мне не подошел. Раньше такого никогда не было, и меня охватил страх, что меня бросили. Я укрылся одеялом с головой, надеясь чего-то дождаться под такой надежной защитой. Но теперь проснулось моё пи-пи, которое ждать не желало. Я еще немного потерпел, и со слезами на глазах бросился в сени, а из сеней на крыльцо. И здесь всё моё существо охватила неумемная радость. Оказалось, что всё в порядке, и всё на месте. Ярко сияет летнее солнце, по двору ко мне идет улыбающаяся бабушка, на крыльце сидит и умывается кошка Мурка, а возле своей конуры сидит, и немного склонив голову набок, смотрит на меня собака Тузик. И наконец-то можно сделать пи-пи прямо с крыльца. И еще меня охватывает гордость, что я сам сумел вывернуться из такой сложной ситуации. Это мои самые первые воспоминания с тех пор, как я начал себя осознавать.

Событие это имело место в нашем старом доме на улице Мастерской. Этот дом построил дед Петя в 1939 году. Из-за недостатка средств дом был построен как временка – с засыпными стенами, которые делаются из двух рядов досок, а между ними для утепления засыпаются опилки. Дед каждую

осень добавлял в стены опилки и утрамбовывал их специальной палкой. Благо, лесопилка была недалеко, и опилки можно было брать в неограниченных количествах. Все дома на нашей улице, как и на всех остальных, были обязательно со ставнями, которые на ночь закрывали и зимой и летом, и еще обязательно закрепляли крепкими металлическими накладками, которые фиксировались с внутренней стороны дома. Так что, пробраться в дом, с учетом крепкой входной двери, было не так-то просто. И каждый дом был обязательно с мощными воротами и кованым кольцом на калитке – для вызова хозяев.

Дед и мой папа беспокоились, что дом долго не простоит, и в конце пятидесятых годов начали строить новый, бревенчатый дом на своем же участке, со сдвигом в сторону огородов. Помнится, что средств на эту стройку тоже катастрофически не хватало. Папа продал на рынке свой фронтальной бинокль, аккордеон и что-то ещё. А старый дом благополучно стоит до сих пор, и в нем живут люди.

На нашем краю улицы дома были только на одной стороне, так как на другой стороне, под горкой было озеро, из которого брали воду для полива огородов и других хозяйственных нужд. С улицы, находящейся на возвышении перед озером, открывался прекрасный вид на Манутские горы и каньон реки Ия между ними. Весной на горах расцветал багульник, и склоны окрашивались в розоватый цвет.

Местные аборигены – буряты не зря выбрали это место

для своего поселения и дали ему название Тулун, что в переводе с бурятского языка означает «мешок». Очень меткое название, так как Тулун со всех сторон окружен горами-отрогами Саян и рекой Ия, которая образует своеобразную петлю вокруг города. За озером был большой луг, на котором пасли коров, и были коновязи и круговой ипподром, на котором раз в год, во время ярмарки, проводили лошадиные скачки на тележках. На ярмарке, которую почему-то называли выставкой, устраивались многочисленные торговые точки с промышленными товарами. Было много китайских товаров хорошего качества. Мама с бабушкой, помнится, купили «вечные» шторы, скатерть и расписной стеклянный кувшин. Этот кувшин, если не расколотили, до сих пор «живет» у брата Анатолия на их фазенде. На выставку-ярмарку собиралось множество народа, многие приезжали на лошадях (по-видимому, из ближайших сел), которых привязывали к коновязям.

В мои дошкольные годы электричества на улице не было. Жили с керосиновыми лампами. Ламп в нашем доме было две. Одна, обычная лампа ставилась на специальную полочку на кухне, вторая – «молния» подвешивалась к потолку в большой комнате. Дед Петя раз в неделю ходил покупать керосин, чистил и заправлял лампы. Большим дефицитом были ламповые стекла. Мой папа и его друг дядя Гоша придумывали разные способы увеличения срока службы стекол. Вешали на край стекла булавки, загнутые гвозди и прочие

железки. Помогало ли это – не знаю.

Электрификация, скорее всего, была сделана, когда я пошел в первый класс. Помню, что делали это, как тогда говорили «миром». Собрались мужики с улицы, быстро выкопали ямы, под руководством какого-то дяди поставили столбы, ну, а провода уже натягивали электромонтеры. И всё было сделано очень быстро.

Почти каждое лето, во время июльской жары, наша река Ия разливалась из-за таяния снегов и проливных дождей в горах Саянах. При этом мимо наших домов начинала протекать полноводная река, так как наше озеро представляло собой часть старого русла реки, которая изменила свое течение в незапамятные времена. Мама, помнится, использовала эту ситуацию, чтобы постирать и прополоскать белье. Вообще, белье стирали и полоскали дома, но несколько раз в год возили полоскать на реку, так как до реки было недалеко – около километра. Зимой городские власти устраивали на льду реки помещение с печкой и длинной прорубью, в которой хозяйки полоскали белье.

Никакого водопровода в городе, за исключением городской бани, не было, и люди выкручивались, кто как мог. Ходили на реку с ведрами и коромыслами, устраивали колодцы, и еще воду развозили водовозы на лошадках с бочками. Зимой на реке постоянно поддерживались проруби для набора воды. У нас в огороде был колодец со срубом из лиственницы, но воду использовали, в основном для полива, а для пи-

тья папа или дед заказывали водовоза. Почему-то считалось, что колодезная вода не очень полезна для человеческого организма. У ближайших соседей колодцев не было. Я, когда стал постарше, перетаскивал привезенную водовозом воду ведром в домашнюю бочку, а дед в это время приглашал водовоза к столу, и чем-то его угощал.

Когда половодье заканчивалось, вода в нашем озере нагревалась и в нем с удовольствием купались дети, а иногда и взрослые. И я научился плавать именно в этом озере. В последние годы, насколько мне известно, из разговоров с моим старым другом – тулунчанином, таких разливов реки уже не происходит, и сама река начинает мелеть. Всё это результат деятельности человека, когда по берегам реки безжалостно вырубались леса под девизом «стране нужен лес». Аналогичная ситуация складывается и с другими сибирскими реками, да и озеро Байкал в последние годы, как сообщалось в СМИ, также начало мелеть.

Где-то в конце пятидесятых годов начали строить новый дом. Дед с папой купили где-то неподалеку бревна для дома и их привозили на наш участок колесным трактором, просто волоком, по несколько бревен за одну поездку. Мне разрешили сделать пару рейсов в кабине трактора вместе с водителем, которого звали Аркадием, который сказал, что трактор немецкий – трофейный. Мама пыталась меня не пустить, объясняя, что от тракторного запаха меня будет тошнить, но как раз запах работающей машины мне очень нравился. А

мама всю свою жизнь плохо переносила различные технические запахи, и длительная поездка на автобусе для нее была серьезным испытанием. Что же касается общения с трофейной немецкой техникой, то, как мне кажется, начиная с той поездки на тракторе, всё время приходилось сталкиваться с трофейной техникой. На подземной линии связи между Москвой и С. Петербургом в течение многих десятилетий работали кабели связи немецкого производства, выкопанные из грунта в Германии по окончании Великой Отечественной войны по репарациям. Было и другое оборудование, полученное по репарациям. У секретаря производственной лаборатории, в которой я проработал много лет, была пишущая машинка «Ундервуд» с замененным на кириллицу шрифтом. У меня в лаборатории до двухтысячных годов был в работе сверлильный станок, выпущенный в городе Штутгарте в 1938 году. На шильдике станка была свастика, а по документам он числился как «станок особых поставок». Да и в моей домашней коробке с разными винтиками и гаечками до сих пор можно найти стальные винтики, покрытые медью, от немецкого трофейного оборудования связи В-200.

В новом доме были устроены кухня с большой русской печкой и плитой, столовая и две комнаты. Были, разумеется, и сени с выгороженной кладовкой и веранда. Печка была с двумя «зеркалами» (чугунными плитами, встроенными в стенки печки вместо кирпичей) в каждой комнате. Когда в сильные морозы печку интенсивно топили, зеркала нагре-

вались докрасна. Помнится, однажды брат Толик пробежал мимо топящейся печки, запнулся и упал, опершись рукой на раскаленную дверцу топки. На дверце были выпуклые буквы ИЗТМ (Иркутский завод тяжелого машиностроения), которые выжгли на ладони братика своеобразное тавро, которое долго заживало. В столовой стоял большой и очень тяжелый стол еще дореволюционного производства, что определялось по намертво приклеившимся к крышке стола газетам с буквами ять и прочими признаками старой орфографии.

В те годы (начало шестидесятых) мой папа имел обыкновение читать газеты во время обеда. Я, естественно, газет не читал – было неинтересно. Это время было насыщено различными политическими событиями: разгар холодной войны, распад колониальной системы и освободительные войны в Африке, и прочие дела. Чтобы во всем этом ориентироваться папу купил и повесил на стене в столовой большую политическую карту мира. И когда по радио передавали о каких-либо событиях, мы все смотрели на эту карту, идентифицируя событие и место, где оно происходит. Еще и в столовой, и в комнатах висели портреты детей и взрослых. Наверное, это было очень модно, так как портреты были практически в каждом доме, а на рынке работали мастера, которые из фотографии любого качества изготавливали портрет. Сервис пользовался большим спросом. У нас все портреты папа сделал сам. Была еще одна повальная мода – коврики, нарисованные на клеенке, которые вешали на стены. Понят-

но, что эта «мода» была следствием определенной послевоенной бедности населения. Даже дед Петя, в принципе равнодушный к таким вещам, как-то не устоял и купил такой коврик, на котором была нарисована украинская хата под соломенной крышей. Скорее всего, эти коврики мазали по трафаретам. После долгих обсуждений коврик всё-таки повесили на стену возле кровати Толика. Через несколько лет папа как-то по случаю купил настоящий шерстяной ковер аналогичного размера, а украинская хата куда-то испарилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.